

*Марк (Меир) Дворжецкий*

## ПОВСЕДНЕВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЕВРЕЕВ НАЦИСТАМ

В последние годы в литературе, посвященной Холокосту, широко применяется понятие «противостояние». По своему охвату оно значительно шире таких терминов, как «восстание», «неповиновение» или «сопротивление». Речь идет о сопротивлении не только активном (будь то подпольная борьба, вооруженные выступления в гетто, партизанская деятельность, служба в регулярных армиях и т. д.), но и психологическом, моральном, духовном и культурном, о противостоянии как индивидуальном, так и массовом. Понятие «противостояние» охватывает все проявления еврейского нонконформизма, все формы сопротивления и все действия евреев в попытках сорвать преступные замыслы нацистов, стремившихся лишить евреев человеческого достоинства и превратить их в отбросы – а затем физически уничтожить<sup>1</sup>.

Такой аспект еврейского противостояния нацистам, как вооруженная борьба, был в какой-то мере изучен. Однако незаметные на первый взгляд акты сопротивления, в которых главным образом и выражалось повседневное неповиновение отдельных людей и еврейской общины в целом во время Холокоста, все еще ожидают тщательного изучения. Под «актами сопротивления» мы подразумеваем проявления человечности со стороны обитателей гетто и узников лагерей – людей, которые в нечеловеческих условиях продолжали действовать в согласии со своей совестью.

### *Методы изучения повседневного противостояния евреев нацистам в гетто и концлагерях: еврейские источники*

В своем исследовании мы будем использовать главным образом еврейские источники различных периодов, поскольку ли-

---

<sup>1</sup> Ивритское слово *amida* («противостояние») происходит от глагола *laamad* – «стоять». Этот корень используется для образования слов, означающих «стоять на своем» и «бороться против». В библейской конкорданции д-ра Соломона Манделькерна корень *amad* переведен латинскими словами *stare*, *adstare*, *resistere* и т. д. Например: «И никто из всех врагов их не устоял перед ними» (*Йехошуа* [*Иисус Навин*], 21:42); «...собраться и встать на защиту жизни своей» (*Эстер* [*Эсфирь*], 8:11), «Не устоит никто из них пред тобой» (*Йехошуа*, 10:8).

тература на иностранных языках, где затрагивалась бы эта тема, весьма скудна.

*а) Дневники и письменные свидетельства периода Холокоста*

До нас дошло гораздо больше свидетельств о моральной деградации обитателей гетто, чем об их духовной стойкости. Это вполне понятно: до Холокоста авторы таких свидетельств привыкли считать евреев человеколюбивым народом, который заботится о сиротах и вдовах, о страждущих и нуждающихся. Теперь же они внезапно столкнулись с проявлениями деградации, и незнакомая ранее сторона еврейской жизни глубоко удивила и озадачила их. Историк Варшавского гетто д-р Эммануэль Рингельблюм спрашивал себя: «В чем причина такого падения нравов?»<sup>2</sup> В своих записях он предъявляет обвинение еврейской полиции гетто, которая часто вела себя самым низким образом. Поэт Варшавского гетто Ицхак Каценельсон в своей «Тетради Виттеля»<sup>3</sup> называет еврейских полицейских «позором рода человеческого», «отравленными душами» и т. д.

Однако даже в эти страшные времена многие стали свидетелями проявлений благородства. Д-р Рингельблюм старался отмечать такие случаи, когда речь шла об этической, культурной и экономической сферах и, разумеется, о подпольной деятельности. В своих письмах он посвятил немало страниц культурной деятельности как акту неповиновения со стороны еврейской интеллигенции – писателей, художников, учителей, актеров и т. д. – и участников еврейского подполья. Он не мог подробно описать все подобные случаи и лишь иногда отмечал самые поразительные. Поэтому в его работах часто встречаются только упоминания о событиях и людях, о которых он, видимо, планировал когда-нибудь рассказать подробнее: «Побег из поезда», «Еврей из малого гетто, схвативший немца за горло», «Еврей с [улицы] Налевки, который выхватил у украинца [-полицейского] винтовку и убежал», «Муж не хотел разлучаться с женой», «Дети пошли на

<sup>2</sup> Emmanuel Ringelblum, *Ksovim fun geto*, vol. II (Warsaw: Yiddish Bukh, 1963), p. 13.

<sup>3</sup> Yitzhak Katzenelson, *Ktavim aharonim, 5700–5704* (Tel Aviv: Ha-Kibuz Ha-Meuhad, 1956).

Умшлагплац [площадь в Варшавском гетто, где евреев собирали перед депортацией] вместе с родителями», и т. д.<sup>4</sup>

Десятки дневников и других письменных свидетельств из гетто уже были опубликованы, десятки (возможно, сотни) еще предстоит обнаружить в архивах. Хотя, как мы уже отметили, большинство из них содержит непропорционально много описаний низкого и подлого поведения людей, благодаря своей аутентичности они остаются важнейшими источниками, позволяющими узнать о противостоянии евреев нацистам в эти годы.

### *б) Воспоминания и статьи, написанные после Холокоста*

После Холокоста были написаны сотни книг и воспоминаний и тысячи статей. Их авторы, как правило, все еще пребывали в состоянии шока от тех ужасов, которые они пережили или которыми были свидетелями. Тем не менее они вспоминали благородные поступки и благородных людей. Эти проявления сопротивления и благородства часто упоминаются вскользь, мимоходом, – впрочем, именно это и говорит об их достоверности. Однако упоминания эти столь многочисленны – и столь разрозненны, – что следовало бы обратить самое пристальное внимание на этот пласт литературы, изобилующий свидетельствами стойкости и мужества евреев.

### *в) Свидетельства людей, переживших Холокост*

Личные свидетельства обладают огромной ценностью. Большинство очевидцев – простым, бесхитростным людям – нет нужды что-то скрывать или, наоборот, нарочито подчеркивать. Вопрос о добрых поступках в гетто (актах солидарности с другими евреями, случаях взаимопомощи и т. д.) обычно застаёт их врасплох: ведь такие действия не требуют особого упоминания – это заурядные человеческие поступки, в довоенные времена совершенно естественные. Лишь когда очевидцы осознают исключительный характер добрых дел, преданности, солидарности и т. д. в страшных условиях того времени, они начинают вспоминать детали и имена, которых, казалось, не помнили вначале.

<sup>4</sup> Ringelblum, *Ksovim fun geto*, vol. II, pp. 10–12.

Я прочел много сообщений очевидцев в Архиве Яд Вашем и в других архивах Холокоста. Все они содержат подробные описания пыток и депортаций в лагеря уничтожения – и ни единой детали, связанной с актами неповиновения. Когда я спрашивал свидетелей, что они помнят о еврейском духовном сопротивлении в гетто и лагерях, они обычно удивлялись: «Как, об этом тоже нужно писать в книгах по истории?» – и тут же начинали приводить один за другим примеры актов сопротивления и благородных поступков безымянных героев.

Разумеется, рассказы очевидцев – достаточно проблематичный источник сведений. Часто свидетели помнят только свое гетто или даже только то, что происходило в их собственной квартире. Иногда они приукрашивают и искажают события, о которых рассказывают. Иногда они воспринимают произошедшее чрезвычайно субъективно и в своих воспоминаниях преувеличивают как хорошее, так и дурное. Но как бы то ни было, они очевидцы, воспоминания их аутентичны. Чем больше личных свидетельств переживших Холокост людей о пребывании в гетто и лагерях мы соберем, тем ближе мы подойдем к исторической правде.

*Нееврейские источники, касающиеся стран,  
которые пострадали от нацистов или сражались с нацистами*

Евреи относительно редко упоминаются в литературе о нацистской оккупации, подполье и концлагерях, если только речь не идет о текстах на идише или на иврите. Когда упоминаются евреи – члены подполья, их еврейство указывается далеко не всегда.

Это характерно не только для литературы России, Польши и других стран Восточной Европы, но и для западноевропейских источников. Все они замалчивают роль евреев в борьбе этих стран против нацизма – в рядах регулярных армий, в подполье или в партизанских группах. Подобное замалчивание объясняется прежде всего тем, что война против нацизма провозглашается войной всей страны, а потому не следует делить народ на большинство и меньшинство; кроме того, часто авторы просто не заинтересованы в подчеркивании роли еврейских повстанцев.

Возьмем в качестве примера Францию.

Множество евреев воевало в рядах французской армии, участвовало в борьбе «Сражающейся Франции» и в движении Со-

противления на оккупированной французской территории. Однако в обширной французской литературе о Второй мировой войне и во множестве документальных материалов очень редко упоминается национальность бойцов-евреев<sup>5</sup>.

Полное исследование о еврейском подполье во Франции все еще ждет своего часа. Сколько евреев знают о существовании подпольной организации «Еврейские скауты Франции» (*E.I.F. – Eclaireurs Israélites de France*), действовавшей в районе Монтань-Нуар на юге страны? Ее основателем был Робер Гамзон (Кастор), скончавшийся несколько лет назад в Израиле. Мы располагаем лишь поверхностной и фрагментарной информацией о «Еврейской армии» (*Armée Juive – A.J.*), позднее известной как «Еврейская боевая организация» (*Organisation Juive de Combat – O.J.C.*). Ее группы действовали в Париже, Лионе, Гренобле, Марселе, Лиможе, Ницце, Тулузе и т. д.

Книгу о евреях во французском подполье и о французском еврейском подполье еще предстоит написать<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> Евреи принимали активное участие в борьбе Франции против нацизма: например, Луи Коан, генерал саперных войск «Сражающейся Франции»; лейтенант Виктор Миркен, захвативший главную крепость на подступах к Тулону (он похоронен на еврейском кладбище в Витале); нобелевский лауреат Рене Кассен; Жан-Пьер Блок, член правительства «Свободной Франции», один из руководителей ее секретной службы, поддерживавшей связь с Сопротивлением; капитан Дрейфус Шмитт, бывший мэр Бельфора; Гастон Палевски и Жюль Мок, члены штаба де Голля.

Активно действовали во французском подполье Жорж Альтман и Жан-Пьер Леви, основатели движения сопротивления «Франтирёр»; Казнав (Жак Таяр), основатель подпольной сети «Электрон»; Даниэль Майер, издатель подпольной газеты социалистов «Попюлэр», участвовавший в 1943 году в создании Национального совета сопротивления; Марк Блок, командовавший объединенным подпольем в Лионе; полковник Жиль (Жозеф Эпштейн, родственник писателя И.-Л. Переца), один из видных командиров французского Сопротивления.

Евреи (1% общего населения Франции) составляли 6% (60 человек из 1000) кавалеров ордена Освобождения, учрежденного де Голлем во время войны.

В ноябре 1942 года союзные войска высадились в Алжире и захватили страну без единого выстрела благодаря подготовительной работе 400 подпольщиков, большинство из которых были евреями.

(На углах парижских улиц установлены специальные цветочные горшки, в которые по утрам ставят букеты свежих цветов. Рядом с каждым таким горшком находится мраморная мемориальная доска; выгравированная на ней надпись гласит: «Здесь пал герой Сопротивления... в борьбе за освобождение Парижа». Надписи не содержат указаний на национальность этих героев, и можно, разумеется, предположить, что все они были французами. Но однажды, проходя мимо этих досок, я насчитал 15 классических еврейских имен, таких как Абраам Коэн или Самуэль Мизрахи. Я спросил нескольких парижских евреев, однако они ничего не знали. Можно назвать этих людей неизвестными еврейскими героями французского Сопротивления.)

<sup>6</sup> Автор не вполне справедлив. Уже во время публикации настоящей статьи такие ис-

Мы мало знаем о деятельности еврейских вооруженных подпольных групп во Франции и еще меньше – о повседневном противостоянии французских евреев нацистам. Разрозненные истории можно найти в еврейских периодических изданиях (на идише и на французском языке) и в свидетельствах очевидцев, переданных в Центр документации современного еврейства (*Centre de Documentation Juive Contemporaine – C.D.J.C.*).

Исследователям предстоит изучить материалы о Сопротивлении, хранящиеся во французских архивах, а также ознакомиться с сочинениями французских авторов-неевреев, особенно с работами о движении Сопротивления<sup>7</sup>.

В качестве второго примера возьмем Советский Союз, крупнейшую страну Восточной Европы. Целый пласт советской литературы, в основном на русском языке, посвящен партизанскому движению. Обычно речь идет о воспоминаниях бывших партизанских командиров. Национальное происхождение бойцов упоминается крайне редко; еще реже упоминается еврейское происхождение того или иного партизана. Удивительно смотрится на этом фоне книга под названием «Партизанская дружба» с подзаголовком «Воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны». Тираж был напечатан, однако книга так и не поступила в продажу<sup>8</sup>.

---

ледования существовали. Достаточно назвать две работы: Anny Latour, *La Résistance juive en France, 1940–1944* (Paris: Stock, 1970) и David Diamant, *Les Juifs dans la Résistance française, 1940–1944* (Paris: Le Pavillon, 1971). Литература о еврейском сопротивлении во Франции во времена Холокоста весьма обширна. – *Прим. ред.*

<sup>7</sup> Впечатляющее свидетельство о еврейской группе, названной в честь Марка Агно, можно найти в сборнике «Свидетельства из Страсбурга», в очерке Бёв-Мери, редактора газеты «Монд»; см. *Témoignages Strasbourgeois* (Paris: Société d'édition "Les belles lettres", 1947); в очерке перечислены имена многих членов страсбургского подполья, отправленных за свою деятельность в концентрационные лагеря. Среди них было много евреев (в частности, Леви Андре, Леви Клод, Леви Робер) – но об этом Бёв-Мери не упоминает.

<sup>8</sup> В сборник «Партизанская дружба» вошли воспоминания о героических делах партизан-евреев, написанные 23 авторами, в основном неевреями – командирами партизанских отрядов. Книга была готова к публикации 9 октября 1948 года (эта дата указана на последней странице), однако она так и не поступила в продажу, поскольку тем временем в СССР началось уничтожение еврейской культуры и какие бы то ни было упоминания о мужестве евреев были запрещены. Сборник (в переводе на иврит) был включен в состав книги «Их было много» (*Heim hayu rabim*) под редакцией Биниамина Веста, изданной Отделом изучения русского еврейства при Архиве рабочего движения (Тель-Авив, 1968). Экземпляр «Партизанской дружбы» был получен из московской Библиотеки им. Ленина благодаря усилиям Биниамина Веста. В книге при-

Прочитав приведенные в сборнике рассказы о героизме евреев, мы спрашиваем себя: итак, эта книга не нашла пути к читателю; сколько еще подобных рассказов лежит вапёрти в советских архивах?

Нам известно, что в рядах Красной армии сражались около 500 000 евреев, причем очень многие из них были награждены орденами и медалями<sup>9</sup>. Около 120 евреев получили высшую советскую награду – звание Героя Советского Союза<sup>10</sup>. Большинство солдат Литовской дивизии были евреями<sup>11</sup>. Даже еврейскому читателю редко оказываются известны эти факты. После войны евреев в Советской России часто спрашивали: «А вы где воевали, в Ташкенте?» (другими словами, «вы все были за тысячи километров от линии фронта, в «городе хлебном», вы все дезертиры»).

Поэтому еврейские историки обязаны изучить всю советскую литературу о Второй мировой войне, просмотреть каждую книгу, чтобы найти имена еврейских бойцов и сведения о духовном и моральном сопротивлении евреев Советского Союза.

### *Нацистские документы*

Нам следует проявлять чрезвычайную осторожность при изучении нацистских документов<sup>12</sup>. Например, приводимые там

---

ведены рассказы о подвигах еврейских бойцов – учителей, студентов, инженеров, врачей, подростков. В ней также рассказывается о «семейных лагерях» и о пользе, которую они принесли партизанским отрядам.

<sup>9</sup> Согласно подсчетам советского еврейского исследователя Я. Кантора (на основании статистических данных Центрального музея Советской армии, опубликованных 1 апреля 1947 года), в Красной армии воевали 500 000 евреев, из которых 160 722 получили различные награды (см. также Y. Kantor, "Yidn oyf dem grestn un vikhtikstn front" // *Folksstime*, April 18, 1963).

<sup>10</sup> Согласно данным, опубликованным в «Правде» 6 мая 1965 года, этого звания удостоились 107 евреев, однако, по сообщению Йосефа Гури (который приводит поименный список), их число составляло 120 (*Yediot Yad Vashem*, № 36 [1966]).

<sup>11</sup> Согласно некоторым оценкам, в момент создания Литовской дивизии евреи составляли 80% бойцов. См. статьи Й. Литвака в журнале *Gesher* (Tel Aviv: World Jewish Congress, 1960, 1966) и работы Д. Левина (см. также статью И. Арада в этом сборнике. – Прим. ред.).

<sup>12</sup> Известно письмо Гейдриха, в котором он приказывает объявлять карательные меры против евреев наказанием за преступления, совершенные еврейскими партизанами (письмо было написано в самом начале войны, 21 сентября 1939 года). Известно также, что немцы объясняли акции уничтожения евреев нападениями на немецких солдат. См. Mark (Meir) Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita ba-Meri u-va-Shoa*: Tel-Aviv: Miflegat poalei Erez Yisrael, 1951, pp. 37–42.

данные о численности еврейского подполья нередко оказываются преувеличены (дабы показать, что немецкой оккупации противятся в основном евреи). Иногда же, наоборот, составители документов преуменьшают эти цифры или вообще замалчивают существование еврейского вооруженного сопротивления или еврейского повстанческого движения. Однако даже в этих весьма сомнительных источниках можно найти примеры противостояния евреев нацистам, свидетельства мужества<sup>13</sup> – примеры нападения на немецких полицейских<sup>14</sup>, героического поведения перед лицом смерти<sup>15</sup> или пения на пути к месту казни<sup>16</sup>.

### *Значение сопоставления источников*

Учитывая указанные выше факты, важно сопоставлять рассказы очевидцев с другими источниками (даже с сомнительными немецкими документами). Такое сравнение способно значительно приблизить нас к исторической правде. Приведем характерный пример.

После акции в Вильнюсском гетто, известной как «акция Каунас – Понары»<sup>17</sup>, в ходе которой 5000 евреев были отправлены из гетто в лес в Понарах (Паняряй) и убиты, по гетто распространились слухи о том, что евреи атаковали убийц и многим удалось бежать. Песня, звучавшая в Вильнюсском гетто в те дни, содержит следующие строки:

---

<sup>13</sup> Шталекер сообщает о евреях Каунаса, которые вели активную партизанскую борьбу, и приводит примеры поджогов и диверсий, совершенных евреями Даугавпилса, – см. *Trials of the War Criminals before the Nuremberg Tribunals under Control Council Law No. 10*, vol. IV (Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1953), p. 161ff, doc. L-180.

<sup>14</sup> *Ibid.*, p. 187, doc. NO-3279.

<sup>15</sup> Свидетельство инженера Германа Гребе о массовой казни в окрестностях Ровно – см. L. Poliakov, J. Wulff (Hg.), *Das Dritte Reich und die Juden: Dokumente und Aufsätze*, S. 143–145, Dok. PS-2992.

<sup>16</sup> Показания Олендорфа (*Trials*, vol. IV, p. 248).

<sup>17</sup> Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 352–360 (глава «Западня»).

(В апреле 1943 года немцы объявили о переселении части евреев из Вильнюсского гетто в Каунас, где «условия легче». Всех отобранных для переселения отвезли в Понары и там расстреляли. Многие из жертв, сумев бежать с места расстрела, вернулись в Вильнюсское гетто – так и возник слух об оказанном ими сопротивлении. Упоминаемая автором ниже песня пелась на мотив «Раскинулось море широко». – Прим. ред.).



*...И они поднялись, и взломали двери вагонов, / И побежали; / Они набросились на гестаповцев / И содрали с них мундиры, / И несколько немцев, искусанных и раненных евреями, / Остались там...*<sup>18</sup>

В 1965 году Литовский центральный государственный архив опубликовал на литовском языке сборник документов под названием «Массовые убийства в Литве (1941–1944 гг.)»<sup>19</sup>. В документе № 180 (с. 117) различимы отголоски побега большого числа евреев из Понар и схватки евреев с убийцами. Документ представляет собой отчет оберштурмфюреров Мюллера и Штютца о положении в Литве в апреле 1943 года. В мае 1943 года отчет был послан в Берлин. Вот отрывок из него:

*...Во время расстрела один еврей напал на унтершарфюрера Вилла и дважды ударил его ножом в спину и один раз – в голову, ранив его. Он был доставлен в госпиталь в Вильнюсе... а около пятидесяти евреев бежали; один литовец из вспомогательной полиции был ранен; состояние его тяжелое.*

В этом случае сопоставление источников помогло проверить и подтвердить факты.

### *Индивидуальное противостояние и противостояние общины*

Нередко акты неповиновения или сопротивления отдельных лиц давали толчок к неповиновению или сопротивлению общины; бывало, однако, и так, что атмосфера в общине воздействовала на поведение индивидуумов. Не следует забывать, что в преддверии массового уничтожения евреев (то есть к 22 июня 1941 года) польское еврейство лишилось очень многих своих лидеров. Многие не смогли вернуться в Польшу после Сионистского конгресса 1939 года, который открылся перед самым началом войны. В конце 1939 и в начале 1940 года руководители многих еврейских партий и движений покинули Польшу (находившуюся теперь под властью Германии и Советского Союза), перейдя ли-

<sup>18</sup> Ibid. На идише: «*Zey hobn gebrokh'n di tir fun vagon / genumen aley'n makhn pleyte. / Zey hobn gevorf'n zikh oyf der gestapo / un zey di kleyder tserisn, / Geblib'n iz lign lebn di yidn, / Etlekhe Daytsh'n tsebisn...*».

<sup>19</sup> G. Erslavaite et al. (eds.), *Masinės žudynės Lietuvoje 1941–1944* (Vilnius: Mintis, 1965). Литовская версия представляет собой перевод с немецкого; оригинал находится в Литовском центральном государственном архиве (LCVA, f. 1399, ap. 1, b. 26, l. 55).

товскую границу в надежде уехать из Литвы в Страну Израиля или в другие страны. Советское же еврейство почти двадцатью годами ранее лишилось и общинной организации, и духовного руководства. Евреи стран Балтии утратили свои организации и руководство, когда русские захватили власть в июне 1940 года. Более того, когда немцы вторглись в Польшу, а затем в балтийские страны, их первой акцией стало убийство еврейской интеллигенции и раввинов<sup>20</sup>, то есть всех тех, кто мог бы организовать сопротивление в гетто или хотя бы призвать к нему. Целые общины остались без лидеров, и каждый еврей должен был наедине со своей совестью решать, как вести себя в эти страшные времена.

Тем не менее из дневников, воспоминаний и свидетельств переживших Холокост людей следует, что евреи не были готовы покориться своей судьбе; все как один они считали нацистскую оккупацию временным явлением и верили, что немцы в конце концов получат по заслугам.

Общее настроение евреев в гетто остроумно выразил торговец часами из Вильнюса Ицхак Ааронович: «Налагаю вето на все это гетто» (*Ikh farleg mayn veto oyfn gantsn geto*)<sup>21</sup>.

Нонконформизм и надежда звучат во многих стихотворениях, сочиненных в период существования гетто. Ниже мы еще вернемся к этой теме.

### *Сохранение собственной индивидуальности*

Одним из проявлений духовного сопротивления было стремление каждого человека остаться собой, «сохранить свою индивидуальность», «продолжить быть тем, кем был до гетто или концлагеря». Узники гетто чувствовали, что нацисты хотят растоптать их, лишит человеческих черт и индивидуальности. Они понимали, что евреи гетто интересуют немцев, только пока их можно использовать в качестве рабочей силы (*Arbeitsjuden*). Они понимали также, что само превращение обитателей гетто в «номера», лишённые имен и семей, автоматически означало уничтожение их личности.

---

<sup>20</sup> Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 24–25; см. также другие мемориальные сборники, посвященные гетто. Немцы уничтожали не только еврейскую интеллигенцию, но и польскую.

<sup>21</sup> *Ibid.*, p. 53.

Поэтому в гетто и лагерях евреи стремились во что бы то ни стало остаться собой. Учителя хотели оставаться учителями, портные – портными, сапожники – сапожниками. Учителя, инженеры и представители свободных профессий завидовали портным – ведь те могли продолжать работать по специальности в мастерских, могли продолжать быть собой!

Некоторые удивляются, узнав, что в гетто по-прежнему существовали многочисленные политические партии, хотя в сложившихся обстоятельствах их программы утратили всякий смысл. Возможно, в преданности избранной однажды идеологии проявлялось осознанное или неосознанное желание членов партий сохранить свою человеческую индивидуальность.

*Желание всей еврейской общины  
поддерживать свою еврейскую идентичность*

Еврейская община как целое стремилась остаться собой – сохранить еврейскую идентичность и еврейский образ жизни в гетто и даже в лагерях.

Что такое «еврейский образ жизни»? Каждый интерпретировал это понятие по-своему. Для религиозных евреев вести еврейский образ жизни означало следовать религиозным заповедям и обычаям, невзирая на опасности и тяжкие лишения. Евреи, придерживавшиеся других убеждений, полагали необходимым соблюдать этические принципы и еврейские обычаи, привычные им с детства: праздновать *Песах*, *Рош ха-Шана*, *Йом-Кипур* и *Хануку*, помнить еврейскую историю, петь еврейские песни на идише и иврите, учить своих детей быть евреями (*Er zol zaun a yid!*), продолжать общинную деятельность – культурную (школы, всевозможные собрания) и социальную (помощь сиротам, вдовам, нуждающимся и голодным). «Быть евреем» в гетто означало «жить по совести». «Будьте евреями!» (*Zayd yidn!*) – говорили обитатели гетто полицейским. Это означало: «Поступайте справедливо и милосердно»<sup>22</sup>.

*Отказ от возможности спастись*

Иногда стойкость евреев в повседневной жизни проявлялась в отказе от возможности спастись в одиночку, оставив семью

<sup>22</sup> Ibid., p. 99.

и близких. В литературе, посвященной Холокосту, мы встречаем множество примеров такого поведения. Отказ спастись в одиночку был продиктован чувством еврейской солидарности и вековыми традициями духовной стойкости перед лицом преследований. Дети отказывались оставлять своих родителей, мужа – жен, братья – сестер, члены движений и организаций – своих товарищей, учителя – своих учеников.

Отказ педагога Януша Корчака от предложенной ему возможности спастись, оставив своих воспитанников, и его готовность отправиться вместе с ними в лагерь уничтожения стали символом и примером. Однако он не единственный поступил подобным образом. Учителя, работавшие в его школе, пошли на смерть вместе с ним<sup>23</sup>. В литературе о Холокосте описаны похожие случаи, произошедшие в других городах<sup>24</sup>.

Такой же выбор совершили командующий восстанием в Белостокском гетто Мордехай Тененбойм<sup>25</sup> и один из лидеров восстания в Бендзине Фрумка Плотницка<sup>26</sup>; такой выбор совершали раввины, которые не покидали свои общины на пути в лагерь уничтожения<sup>27</sup>.

<sup>23</sup> Ringelblum, *Ksovim fun geto*, vol. II, p. 23; заголовок: «Мужественный поступок Корчака, Конинского и Яновской. Они не хотели бросать своих воспитанников». Рингельблюм пишет (р. 61), что перед отправкой в Трешлинку вместе с Корчаком во главе колонны детей шла его помощница, учительница Стефа Вильчинска. Рингельблюм цитирует слова Нахума Рембы (р. 215), секретаря Совета еврейской общины Варшавы, о том, что во главе одной группы шел Корчак, во главе другой – Вильчинска, во главе третьей – Бронятовска, а во главе четвертой – Штернфельд. Аарон Конинский возглавлял детское учебное заведение, расположенное в доме № 18 на улице Мыльной. Рингельблюм сообщает (р. 225), что Конинский тоже отправился со своими воспитанниками в Трешлинку.

<sup>24</sup> Например, учитель Тувья Корн, работавший в детском доме, не покинул своих воспитанников, когда ему стало известно о намеченной акции: «Я не покину их, чтобы спасти свою жизнь. Их судьба – моя судьба». И так он погиб вместе со своими детьми...» – см. Sh. Meltzer (ed.), *Sefer Horodenka* (Tel Aviv: Irgun zozei Horodenka ve-havsviva b-Yisrael u-ve-Arzoṭ ha-Brit, 1963), p. 214. Так вели себя и врачи – они тоже шли на смерть вместе со своими пациентами.

<sup>25</sup> В конце июля 1943 года Мордехай Тененбойм писал из Белостокского гетто своей сестре: «Если бы я очень того хотел... ценой моей чести и против моей воли мы бы могли еще увидеться. Но я этого не хочу. Нет такой необходимости. Наплевать!» – см. Mordekhai Tenenboim-Tamaroff, *Dapim min ha-dleka* (Tel Aviv: Ha-Kibuz Ha-Meuḥad, 1948), p. 245.

<sup>26</sup> «...Фрумка решила остаться. Она не могла бежать, чтобы спасти себя, когда ее братья погибли у нее на глазах. Она отвергает любую возможность бегства. Она также отказывается от возможности бежать, используя сертификаты нейтральной страны...» – см. свидетельство Рени в Gilad Zerubavel (ed.), *Hanche ve-Frumka: Mikhtavim ve-divrei zikaron* (Tel Aviv: Ha-Kibuz Ha-Meuḥad, 1945), p. 134.

<sup>27</sup> «...Очевидно, именно в этот момент сам раввин, рабби Михельсон, один из величайших раввинов Варшавы, решил, что остаться со своими соплеменниками-евреями,

### Освящение Имени Божьего (*кидуш ха-Шем*)

Многие поколения евреев готовы были принять смерть «ради освящения Имени Божьего» (*кидуш ха-Шем*), но не поступиться своей верой. Согласно традиции, *кидуш ха-Шем* – дело свободного выбора; такое решение принимают, оказавшись перед дилеммой: жить, отказавшись от иудаизма, или сохранить преданность еврейской вере и умереть во имя освящения Имени Господа.

В гетто неоднократно вставал вопрос, следует ли считать смерть от руки немцев примером *кидуш ха-Шем*. В гетто не было свободного выбора. Нацисты не предлагали евреям жизнь в обмен на переход в другую религию. Евреи, отказавшиеся от иудаизма и принявшие христианство, были обречены самой кровью, текущей в их жилах, и их посылали в гетто и лагеря наравне с теми, кто сохранил верность еврейской традиции.

Ответ на этот вопрос дал Хилель Цейтлин, опираясь на мнение Маймонида: «Квинтэссенция мученичества – смерть вследствие своего еврейства»<sup>28</sup>.

В гетто и лагерях евреи считали своих убитых соплеменников святыми мучениками, и о каждом убитом принято было говорить: «Он умер ради освящения Имени Божьего» (*Er iz avek oyf kidush ha-Shem*). Такое отношение заметно во всех памятных книгах<sup>29</sup>.

Немцы лишили евреев выбора между преданностью своей вере и отказом от нее, но евреи оставили себе другой выбор: умереть

---

когда близится час их смерти, важнее, чем быть похороненным по еврейскому обычаю. Он занял место в колонне и вместе с остальными евреями пошел на Умшлагплац...» – см. Rahel Oyerbakh, *Be-huzot Varsha* (Tel Aviv: Am Oved, 1954). «...Полуголый, избитый и измученный, раввин [Слонима] стоял там вместе с тысячьо двумястами членами своей общины... Он погиб первым, освящая Имя Божье. В жизни своей и в смерти своей...» – см. свидетельство д-ра Н. Каплинского в *Pinkas Slonim*, vol. II (Tel Aviv: Irgun olei Slonim b-Yisrael, 1964), p. 160.

<sup>28</sup> Д-р М. Ленский рассказывает, как он спросил Хилеля Цейтлина: «Можем ли мы увенчать венцом мученичества всех тех, кого отправили на смерть?» Цейтлин ответил: «Это давно уже было решено Рамбамом (традиционная аббревиатура полного имени Моисея Маймонида. – Прим. ред.): если тело убитого еврея было найдено на дороге, то следует считать его мучеником, ибо убили его потому, что он был евреем. Так постановил Рамбам. Таким образом, смысл мученичества заключается в гибели из-за своего еврейства. Поэтому еврей может получить корону мученика без необходимости в проверках...» – см. M. Lenski, *Hayei ha-yehudim be-geto Varsha: Zikaronot shel ha-rofe* (Jerusalem: Sifriyat ha-Shoa, 1961), p. 290.

<sup>29</sup> Еврейские памятные книги (*sifrei zikaron*), или книги поминовения (*sifrei yizkor*), издавались еврейскими землячествами (объединениями выходцев из определенного города или местности) для увековечения памяти уничтоженных еврейских общин. Эти

в отчаянии, утратив человеческий облик, – или отправиться на смерть спокойно, гордо, без слез и с достоинством, не унижаясь перед убийцами. Те, кого вели на смерть, видели в отказе от самоуничтожения возможность совершить *кидуш ха-Шем*. Во многих общинах евреи шли на казнь, завернувшись в молитвенные покрывала (галиты), со свитками Торы в руках и молитвой на устах. Таков был новый выбор, предложенный эпохой Холокоста: выбор между смертью в отречении и смертью с верой.

Так на пороге гибели, лежащей за пределами понимания, безмолвный героизм становился трагической, но возвышенной декларацией преданности вере отцов. Те, кто шел на смерть с молчаливым достоинством, словно говорили: «Хотя нас ведут на смерть против нашей воли, мы все же умрем с радостью и воодушевлением, не просто потому, что нам придется умереть, но потому, что мы готовы умереть». Готовность к смерти стала в гетто еще одним способом совершить *кидуш ха-Шем*<sup>30</sup>. С точки зрения узников гетто, человек, своей смертью спасавший жизни других евреев, совершал *кидуш ха-Шем*.

Со временем понятие *кидуш ха-Шем* приобрело новые оттенки. Обитатели гетто говорили, что бойцы подполья, павшие при исполнении своего долга, погибли ради освящения Имени Господа, подразумевая, что они отдали жизнь во имя своих идеалов и чести еврейского народа. З.-Х. Калманович, который был очень далек от понимания того, чем занимается подполье, и выступал против взглядов Ицхака Виттенберга, так писал о нем 18 июля 1943 года<sup>31</sup>: «Этот юноша останется святым... да будет его па-

---

книги содержат иногда весьма ценные для историков сведения. – Примеч. ред.

<sup>30</sup> По свидетельству рабби Эфраима Ошри, когда 11 таммуза 5701 года (6 июля 1941 года) убийцы ворвались в помещение в Каунасе, где происходило совещание раввинов и глав ешив, рабби Эльханан Вассерман сказал присутствующим: «Мы должны помнить, что на самом деле мы идем освятить Имя Господа. Так поднимите же головы... мы теперь выполняем величайшую заповедь – заповедь об освящении Имени...» – см. Rabbi E. Oshri, *Hurban Lite* (New York: Ho-rav E. Oshri Bukh-Komitet, 1952). Согласно Л. Фейнгольду, учитель из Лодзи рабби Нехемья Альтер сказал собравшимся раввинам: «*Кидуш ха-Шем* не всегда совершается публично. Каждый должен совершать *кидуш ха-Шем* самым лучшим образом, как только может. Мы не должны унижаться перед гоями и повиноваться их приказам...» – см. L. Feingold, "Mi-gai ha-harega" // *Ha-zofe*, Kislev 13, 5706. Множество подобных свидетельств переживших Холокост людей см. в Mordechai Eliav (ed.), *Ani taamin: Eduyot al hayeiheim u-motam shel anshei emuna bi-yemei ha-Shoa* (Jerusalem: Mosad ha-Rav Kuk, 1965).

<sup>31</sup> Коммунист Ицик (Ицхак) Виттенберг был военным руководителем подпольной организации Вильнюсского гетто. 16 июля 1943 года он был арестован литовской поли-

мять благословенна...» Концепцию *кидуш ха-Шем* жители гетто связывали с еврейским героизмом, восхищаясь теми, кто выбирал своим уделом постоянную опасность и рисковал жизнью в борьбе с убийцами и гонителями еврейского народа.

Завершая этот раздел, я еще раз хочу подчеркнуть, что понятие *кидуш ха-Шем*, исполненное векового смысла, приобрело в эпоху гетто и лагерей дополнительное значение.

### *Освящение жизни*

В эпоху гетто и лагерей возникло также новое понятие: «освящение жизни». Речь шла о том, что община в целом и каждый еврей в отдельности должны сделать все от них зависящее, чтобы помешать нацистам уничтожить евреев как общину и как индивидуумов. Рабби Ицхак Ниссенбаум объяснял:

*Пришло время освящения жизни (kidush ha-hayim), а не освящения Имени Господа смертью. В былые времена, когда враги требовали наших душ, евреи шли на мучение тела, совершая кидуш ха-Шем. Сегодня враг требует нашего тела, и потому обязанность еврея – защитить себя и сохранить свою жизнь*<sup>32</sup>.

Евреи часто говорили между собой о необходимости «блюсти заповедь, предписывающую жить», «назло врагу остаться в живых». Это было частью игры «назло врагу»: в прошлом враги хотели отнять у нас наши души, и мы отдавали им свою жизнь; сегодня враг хочет лишиться нас жизни, и мы защитим ее любой ценой.

В этом заключался корень желанья «пережить их» (*iberleben*). «Мойше, держись!» (*Moysh, halt zikh!*) – этот призыв держаться, невзирая на страдания, держаться, пока не придет час избавления, часто звучал в песнях гетто<sup>33</sup>.

---

цией, но сумел бежать из-под стражи. Немцы объявили, что, если Виттенберг не сдастся полиции сам, все Вильнюсское гетто будет уничтожено. В гетто началась паника, многие евреи вызвались разыскать Виттенберга. Чувствуя, что гетто стоит на грани раскола и братоубийства, Виттенберг решил сдаться добровольно; во время ареста он принял цианистый калий. – *Прим. ред.*

<sup>32</sup> «...И проникновенные слова рабби Ицхака Ниссенбаума пронеслись по гетто: “Пришло время освящения жизни, не освящения Имени Господа смертью”» – см. Nathan Eck, *Ha-toyim be-darkei ha-mavet* (Jerusalem: Yad Vashem, 1960), p. 37.

<sup>33</sup> См. раздел о песнях гетто.

Борьба за жизнь в условиях Холокоста проявлялась по-разному. В подвалах и на чердаках устраивали бункеры. Чтобы ускользнуть от убийц во время акций, строили целые подземные города. В гетто организовывали круглосуточные дежурства, чтобы оповещать о предстоящей опасности. В гетто тайком провозили еду; жителям раздавали одежду и обувь («Никто в гетто не должен ходить босиком»). Создавались организации взаимопомощи; велась борьба против голода; принимались меры для оказания помощи престарелым, детям и больным; люди пытались бежать через границу в Швейцарию, Испанию и т. д.

Упрямая готовность страдать, смотреть смерти в глаза, но не совершать самоубийств – такой путь избирало подавляющее большинство евреев в годы Холокоста. Д-р Рингельблюм пишет (с. 55): «...из 300 000 человек [которые были отправлены из Варшавского гетто в тогда еще неизвестный пункт назначения – Трешлину] лишь несколько сотен покончили жизнь самоубийством. Люди – как простые евреи, так и подавляющее большинство интеллигенции – не сломались... Неопровержимым доказательством этого служит малое число самоубийств среди евреев Варшавы...»

### *Самоубийства*

Из устных и письменных воспоминаний тех, кто пережил Холокост в Восточной Европе, следует, что самоубийства не были массовым явлением. Возможно, для восточноевропейских евреев разочарование в «цивилизованной Германии» оказалось не столь страшным: в отличие от евреев Западной Европы (среди которых самоубийств было много), они не были неотъемлемой частью этой цивилизации<sup>34</sup>.

В некоторых случаях, однако, даже евреи Восточной Европы видели в самоубийстве проявление силы духа. Евреи Варшавского гетто считали самоубийство председателя юденрата Адама Черняка актом сопротивления и отказом сотрудничать с нацистами в отправке евреев в лагеря уничтожения. Точно так же

<sup>34</sup> В Терезиенштадте были зафиксированы 273 самоубийства и 211 попыток самоубийств. См. H.G. Adler, *Theresienstadt, 1941–1945: Das Antlitz einer Zwangsgemeinschaft* (Tübingen: J.C.B. Mohr), S. 528.



жители Вильнюсского гетто видели в самоубийстве Ицхака Виттенберга (уже сдавшись гестаповцам, он проглотил цианистый калий) решимость избежать унижительной смерти. Узники Аушвица никогда не судили своих братьев, бросавшихся на забор из колючей проволоки, через которую был пропущен ток высокого напряжения. Самоубийство предотвращало не только страдания, но и смерть в газовой камере. Лишь ничтожное меньшинство восточноевропейских евреев выбирало этот путь. Большинство предпочитало страдать, чтобы «жить и пережить врага» (*derlebn un iberlebn*).

### *Самопожертвование ради блага других людей*

В те дни грань между самопожертвованием индивидуума ради блага многих и совершением *кидуш ха-Шем* становилась все менее отчетливой. Свидетельство тому можно найти во многих стихотворениях поэта Варшавского гетто Ицхака Каценельсона. В стихотворении «Песнь о Шломо Желиховском», написанном, вероятно, в 1942 году, его лирический герой говорит: «Счастливы мы, принявшие такую смерть. Потому что ради многих мы пожертвуем своими жизнями, и мы идем теперь совершить *кидуш ха-Шем...*»<sup>35</sup> В поэме Каценельсона о раввине из Радзина герой говорит: «Как рабби Акива... во имя Бога... О, если бы только я заслужил эту честь, ради моих евреев, ради Бога... О радость...» (*Vi Rabi Akiva... leman ha-Shem... ven ikh bin zoykhe tsu dem, far mayne yidn, far Got... aza glik...*)<sup>36</sup>.

В номере подпольной газеты «Едиот», которую издавало в Варшавском гетто движение «Дрор», от 2 июля 1942 года говорится о Радзинском рабби: «Поступило сообщение об акте *кидуш ха-Шем*. Убийцы допрашивали молодого еврея о местонахождении Радзинского рабби. Чтобы спасти рабби, он указал на себя и был застрелен на месте...»<sup>37</sup> С точки зрения автора, отдать свою жизнь ради жизни другого человека означало совершить *кидуш ха-Шем*.

<sup>35</sup> Katzenelson, *Ktavim aharonim*, p. 54.

<sup>36</sup> *Ibid.*, p. 112.

<sup>37</sup> *Ibid.*, p. 451.

### *Искушение еврейского народа*

Некоторые евреи верили, что, умирая ради своих товарищей-евреев, они приносят «искупительную жертву» во имя еврейского народа. Д-р Давид Вдовинский рассказал на процессе Эйхмана в Иерусалиме, что кантор Фишель Битер, погибший от рук украинцев, перед смертью воскликнул: «Я принимаю это с любовью, если я должен стать искупительной жертвой во имя еврейского народа...» Падая на землю, он кричал: «Я не чувствую боли, ибо я – искупительная жертва во имя еврейского народа...»<sup>38</sup> С. Кемплер сообщает в тель-авивском журнале «Решумот», что глава общины в Вижнице Циметбаум, которого повесили в вижницком лагере, воскликнул перед смертью: «Владыка мира, вот я предлагаю себя в жертву ради народа Твоего, Израиля. Пусть буду я последней жертвой и принесу искупление всему еврейскому народу...»<sup>39</sup> Д-р Мешулам Симха сообщает в «Памятной книге Косова»: «Говорят, когда они тащили нашего Гершеле Файера в могилу, весь в крови, он крикнул: «Да буду я искуплением всему еврейскому народу»<sup>40</sup>. З.-Х. Калманович записал в своем дневнике 18 июля 1943 года: «...Их смерть – это искупление грехов целого поколения...»<sup>41</sup>

### *Моральная стойкость в повседневной жизни и в трудных нравственных ситуациях*

С самого начала нацистской оккупации евреи ежедневно сталкивались с новыми моральными проблемами, вызванными к жизни реалиями Холокоста. Часто они не знали, как вести себя в незнакомых ситуациях.

Должны ли солдаты-евреи, оказавшиеся в лагерях для военнопленных, заявлять о своем еврействе и тем самым подвергать опасности свою жизнь, или следует скрывать свое происхождение

---

<sup>38</sup> Показания д-ра Д. Вдовинского см. в *Ha-mishpat shel Adolf Aikhman. Reshumot mishpat ha-yoez ha-mishpati shel Memshelet Yisrael neged Adolf Aikhman*, vol. 2 (Jerusalem: Misrad ha-mishpatim, 2003), p. 1130.

<sup>39</sup> Свидетельство С. Кемплера см. в *Reshumot*, vol. 2, № 3 (1947).

<sup>40</sup> *Sefer Kosov, Galiziya ha-Mizrahit* (Tel Aviv: Ha-Menora, 1964), p. 308.

<sup>41</sup> *YIVO Bleter*, vol. 35 (1969), p. 74.

ние? Станет ли заявление «Я еврей» актом *кидуш ха-Шем*? Или, напротив, сокрытие еврейства будет актом освящения жизни?<sup>42</sup>

С этой проблемой сталкивались многие евреи в Западной Европе, где до войны в документах не была предусмотрена графа «национальность», а во время немецкой оккупации всем жителям пришлось регистрироваться и указать свою национальную принадлежность. Что следовало делать в этой ситуации: в ущерб личному достоинству скрывать свое еврейство или с риском для жизни заявлять о своем еврейском происхождении?<sup>43</sup>

Когда в гетто начали подделывать «арийские» документы, многие евреи задавались вопросом, не роняют ли они, скрываясь под христианским именем, честь еврейского народа, не бросают ли в беде своих еврейских братьев, – и не оскверняют ли Имя Бога (*хилуль ха-Шем*)<sup>44</sup>.

В Вильнюсском гетто еврейские работники, в которых нуждались немцы, получали «сертификат жизни» (*Lebenschein*); в него можно было вписать жену и двух детей. Некоторые евреи при этом сталкивались с трагическим испытанием: что делать с третьим ребенком? Кого из детей выбрать? Бросая ребенка, разве не оказываются они соучастниками преступлений нацистов? Как поступать с матерями? Вписывать их в сертификат вместо жен, тем самым обрекая на смерть настоящих жен? Или, наоборот, следует вписать в сертификат жену и бросить мать? Иногда матери решали этот вопрос сами: они отказывались жить такой ценой<sup>45</sup>.

С возникновением партизанского движения возможность уйти в леса предоставлялась только молодым людям, не обремененным семьей. Как им следовало поступать? Бросать свои семьи и присоединяться к партизанам или оставаться с семьями?

<sup>42</sup> Marc (Meir) Dworzecki, "Shevi be-tokh shevi" // *Ha-haya*, № 552, Nov. 1, 1946.

<sup>43</sup> См. воспоминания французских евреев.

<sup>44</sup> Вначале многие не хотели использовать «арийские» документы. Позднее, однако, видели в них средство спасения и активно пользовались ими. На вопрос же о покупке свидетельств о крещении рабби Ошри дал следующий ответ: «Это запрещено... Это подпадает под заповедь, касающуюся освящения Имени Господа, в соответствии с указанным мною мнением Рамбама о том, что этот закон следует соблюдать любой ценой...» – см. R.E. Oshri, *Sefer divrei Efraim: Hidushei halakhot ve-biur sugiyot be-Sh"z*, (New York, 1949), p. 101, question 5 (приложение "Me-emek ha-bakha al yemei ha-zaam be-geto Kovna").

<sup>45</sup> Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 97–98.

Иногда еврейские партизаны разрешали эту проблему, создавая «семейные лагеря» при партизанских отрядах<sup>46</sup>. Перед таким же выбором оказывался каждый, кто получал возможность бежать из гетто. Пьеса «До ворот», написанная д-ром Исраэлем Димантманом в Вильнюсском гетто, посвящена этой трагической проблеме<sup>47</sup>.

Как следовало вести себя в условиях «коллективной ответственности» в гетто, когда отсутствие одного жильца в доме во время патрульного обхода немцев грозило смертью всем его соседям? Можно ли было бежать из гетто в поисках спасения, бросив соседей на произвол судьбы, – или, наоборот, следовало оставаться в гетто и вместе со всеми ждать смерти или депортации?<sup>48</sup>

И еще один вопрос: раздавая «сертификаты жизни» (в Вильнюсском гетто – желтые, в других гетто – других цветов), немцы словно чертили границу между жизнью и смертью, между теми, кто получил сертификат, и теми, кто не получил. Что следовало делать еврею из гетто? Отказаться от сертификата и тем самым бросить себя и свою семью на произвол судьбы – или принять его, осознавая, что тем, кто сертификата не получил, угрожают депортация и гибель?<sup>49</sup>

Некоторые евреи, не получившие сертификатов, оказывались перед похожей дилеммой: вступить в ряды полиции гетто и тем самым обеспечить себе жизнь, пусть даже участвуя в поиске убежищ, то есть выдавая евреев немцам, – или не становиться полицейским и не иметь никакой защиты на случай акций?<sup>50</sup>

Обитатели гетто и лагерей сталкивались с бесчисленными нравственными проблемами. Свидетельства, книги и дневники того периода показывают, что лишь немногие совершали аморальные поступки; в большинстве своем узники с честью выдержали страшный экзамен. Они не предавали своих товарищей,

---

<sup>46</sup> Moshe Kaganovich, *Der yidisher onteyl in der partizaner bavegung fun Sovet-Rusland* (Rome: Tsentrale historishe komisye beyem Partizaner Farband ph"n in Italie, 1948), pp. 147–148.

<sup>47</sup> Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 237, 253.

<sup>48</sup> *Ibid.*, p. 448.

<sup>49</sup> См. Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, p. 124, – о демонстрациях людей, не получивших сертификатов, которые кричали: «Пусть никто не берет желтый документ: или мы все будем жить, или все умрем!»

<sup>50</sup> Очень немногие из узников гетто поступали на службу в полицию.

не покупали спасение ценой предательства и не «продавали свои души дьяволу».

### *Моральная стойкость религиозных евреев*

Решение о поголовном уничтожении касалось всех евреев. Однако немедленно после вторжения Германии в Польшу в 1939 году первыми жертвами издевательств и убийств стали ортодоксальные евреи, «с бородами и в лапсердаках». Именно на них нацистские убийцы прежде всего обратили свое внимание. Таким образом, соблюдение религиозных традиций и обычаев ставило жизнь человека под угрозу. Религиозные евреи, однако, прилагали все возможные усилия, чтобы вести традиционный образ жизни, даже если это означало подвергать свою жизнь опасности или даже умереть под пыткой<sup>51</sup>.

Их заставляли работать по субботам – но они все же зажигали субботние свечи<sup>52</sup>. Как в гетто, так и в лагерях предпринимались попытки праздновать Рош ха-Шана и Йом-Кипур; иногда удавалось заполучить *шофар* – рог, в который традиция велит трубить в Рош ха-Шана<sup>54</sup>. Если позволяли условия, проводился пасхальный седер<sup>55</sup>; зажигались ханукальные свечи<sup>56</sup>; на Пурим в гетто читали свиток Эстер<sup>57</sup>; по возможности соблюдались и заповеди праздника Суккот, например, произносилось благословение над этрогом<sup>58</sup>. Утренние и вечерние молитвы читались индивидуально и в рамках *миньянов* (молитвенный кворум из

<sup>51</sup> Подробнее см. в *Ani taamin*.

<sup>52</sup> См. публикацию Батьи Эйзенштейн (*Davar*, Nisan 27 [5713]).

<sup>53</sup> См. показания Йосефа Клейнмана в *Ha-mishpat shel Adolf Aikhman*, vol. 2, p. 1036f.

<sup>54</sup> Rabbi Zvi-Hirsh Meizlish, *Sefer sheelot u-tshuvot mekadshai ha-Shem* (Chicago, 1955).

<sup>55</sup> I. Perlov (ed.), *Sefer Radom* (Tel Aviv: Irgun yozei Radom b-Yisrael ve-Ifuzot, 1961).

<sup>56</sup> Dov Sadan (ed.), *Ha-naar Moshe: Yomano shel Moshe Flinker* (Jerusalem: Yad Vashem, 1961). На рус. яз.: *Дневник Моше Флинкера*. Иерусалим: Амана, 1991.

<sup>57</sup> Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 349–351.

<sup>58</sup> Yehoshua-Moshe Aharonson, *Sefer yeshuat Moshe* (Bnei Brak, 1959). Михал Вейхерт в своей книге рассказывает, как в сентябре 1941 года из организации «Джойнт» в Лиссабоне было получено 1800 этрогов (этрог, или цедрат, – цитрусовый плод, используемый в ритуале праздника Суккот. – Прим. ред.), и их распределили между всеми филиалами Еврейской общественной взаимопомощи; были также посланы деньги для нуждающихся. См. Michael Weichert, *Yidishe aleynhilf* (Tel Aviv: Menora, 1962).

десяти взрослых мужчин), иногда на ходу<sup>59</sup>. Некоторые узники даже возлагали *тфилин* (филактерии)<sup>60</sup>. Многие читали *Кадिश* (поминальную молитву)<sup>61</sup> по своим родственникам, а некоторые накануне отправки в лагерь уничтожения произносили *Кадिश* по самим себе<sup>62</sup>. Умерших старались хоронить согласно еврейскому обычаю<sup>63</sup>. В гетто и лагерях были и те, кто отказывался от любой пищи, кошерность (ритуальная пригодность к употреблению) которой вызывала сомнения<sup>64</sup>.

В ожидании депортации евреи расспрашивали раввинов, какое благословение следует произносить тому, кто освящает Имя Господа<sup>65</sup>. Девочки в Вильнюсском гетто носили с собой молитвенники, где на титульном листе было записано «благословение *кидуш ха-Шем*»<sup>66</sup>. По некоторым свидетельствам, даже на краю зияющей ямы евреи объявляли, что продолжают верить в Создателя Вселенной<sup>67</sup>.

Религиозные евреи задавались вопросами, связанными с соблюдением галахических предписаний в условиях того времени. В частности, они пытались решить: можно ли прятать детей среди неевреев (ведь если родители погибнут, дети могут усвоить христианские верования и образ жизни)? Можно ли подвергать опасности свою жизнь, открыто изучая Тору и читая молитвы?

<sup>59</sup> Mark (Meir) Dworzecki, "Al talmud Tora bi-ikufat ha-Shoa" // *Sefer ha-shana shel universitat Bar-Ilan* (Ramat Gan: Bar-Ilan University, 1967), p. 297.

<sup>60</sup> См. *Ani maamin*.

<sup>61</sup> Согласно показаниям д-ра Давида Вдовинского на процессе Эйхмана, Ф. Битер перед повешением попросил его: «Я прошу Вас прочесть по мне *Кадिश*».

<sup>62</sup> В Вильнюсском гетто, скрываясь в убежищах во время акций, многие читали *Кадिश* по самим себе (личное воспоминание автора).

<sup>63</sup> Eliezer Unger, *Zkhor: M-yimei kronot ha-mavet* (Tel Aviv: Masada, 1945).

<sup>64</sup> Y. Gutman, *Anashim ve-efer* (Merhaviya: Sifriyat ha-Poalim, 1957).

<sup>65</sup> Rabbi E. Oshri, *Sheelot u-tshuvot me-maamakim* (New York: [n.p.], 1963).

<sup>66</sup> Mark (Meir) Dworzecki, "Ha-hayim ha-datiim be-geto Vilna" // *Sinai*, vol. 48 (1960), pp. 118–119.

<sup>67</sup> Когда умирающего А. Крейзеля спросили, не поколебало ли его веру все то, что ему довелось увидеть, он ответил: «Нет! Моя вера в Провидение совершенна и безоговорочна» (*Sefer Kosuv*, p. 309). Рабби Шмуэль-Давид Унгер из словацкого города Нитра сказал своей общине в элуле 5704 года (в августе-сентябре 1944 года): «...Нам вне всяких сомнений ясно, что Святой, да будет Он благословен, – Властелин мира, и мы должны с любовью принять Его суд...» – см. *Ele ezкера: Toldot kdoshei ta"sh-tash"h*, vol. 2 (New York: Ha-Makhon le-heker beayot ha-yahadut ha-haredit, 1957).

Можно ли в гетто готовить пищу по субботам? Можно ли есть немецкий суп (некошерный)?<sup>68</sup>

Возникали и другие проблемы: следует ли читать Кадиш по людям, отправленным в «неизвестные места» (например, в Понары), как по умершим? Считается ли женщина, чей муж был отправлен в Понары, вдовой (то есть может ли она снова выйти замуж)?<sup>69</sup>

### *Культурное сопротивление*

Тех, кто не испытал на себе страшную реальность Холокоста, поражают продолжавшаяся в гетто культурная жизнь и проблемски культурной деятельности в лагерях. Так проявлялась духовная стойкость евреев. Во времена Холокоста цель каждого еврея, как мы уже говорили, заключалась в том, чтобы остаться в живых. В то же время евреи считали своим долгом оставаться евреями и не жалели усилий для того, чтобы и дети их сохранили еврейские традиции. Именно это упорство лежало в основе удивительной главы истории Холокоста – системы обучения детей. Литература, посвященная Холокосту, показывает, что в крупных гетто (в Варшаве, Вильнюсе, Каунасе, Лодзи, Белостоке, Шяуляе, Люблине и т. д.) действовали общеобразовательные и религиозные школы, ешивы (талмудические школы) и подпольные учебные кружки («комплеты»). Предпринимались попытки организовать высшие учебные заведения, вроде медицинской школы в Варшавском гетто и «университета» в Вильнюсском.

Школы организовывались не только в Польше и Литве, но и в Голландии. В 1941/1942 учебном году в Амстердаме действовали 27 школ; школы и другие виды небольших учебных заведений существовали в 36 других городах страны<sup>70</sup>. Начальные школы были созданы в Терезиенштадте (Терезине)<sup>71</sup>. Во французском Алжире, находившемся под властью режима Виши, образовательные учреждения продолжали работать даже в 1940–1942

<sup>68</sup> R. Oshri, *Sheelot u-tshuvot*.

<sup>69</sup> Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, p. 282.

<sup>70</sup> A. Bauminger, N. Blumental, Y. Kermish, *Ha-yeled ve-ha-naar ba-Shoah u-va-gvura* (Jerusalem: Kiryat Sefer, 1965). См. статью И. Мелькмана.

<sup>71</sup> *Ibid.*, p. 67.

годах<sup>72</sup>. В Мункаче (Мукачево) действовала средняя школа, где преподавание велось на иврите<sup>73</sup>. Даже в лагерях в лесах далекой Эстонии учителя (работавшие «бригадирами») ухитрялись обучать детей<sup>74</sup>.

Культурные мероприятия проводились не только для детей и юношества, но и для взрослых. С этой целью в крупных гетто, например в Варшавском, Вильнюсском и Каунасском, действовали как «официальные», так и «подпольные» учреждения.

Показательны подобные мероприятия в Вильнюсском гетто. Общества учителей и врачей каждую пятницу организовывали вечерние лекции. Раз в неделю или две под эгидой Союза писателей и художников проводились культурные вечера, в том числе симпозиумы, посвященные Хаиму-Нахману Бялику, И.-Л. Перцу, Шолом-Алейхему и т. д. Большая читальня и библиотека размещались в доме № 6 по улице Страшуне. В честь выдачи столысячной книги был устроен праздник. В «Научном институте» («университете»), созданном при библиотеке гетто, были секции философии, лингвистики, общественных наук, естественных наук, математики, физики и химии. Для тех, кому предстояло отправиться в составе «рабочих групп» за пределы гетто, устраивались специальные собрания. Действовал оркестр; два хора исполняли песни на иврите и один на идише. Существовавший в гетто филиал Всемирного союза иврита проводил на иврите культурные мероприятия и основал театр на иврите, давший множество представлений пьесы Давида Пинского «Вечный жид». В театре на идише в 1942 году состоялось 120 представлений, и посетили их 38 000 человек<sup>75</sup>.

Культурные учреждения работали ежедневно, даже во время депортаций в эстонские лагеря<sup>76</sup>. Евреи гетто привыкли к труд-

<sup>72</sup> Ibid., p. 96.

<sup>73</sup> Ibid.

<sup>74</sup> Об этом см. Mark (Meir) Dworzecki, *Mahanot ha-yehudim be-Estoniya 1942–1944* (Jerusalem: Yad Vashem, 1970), p. 263. Например, учитель Реувен Харт из Вильнюса был в лагере Эреда бригадиром колонны подростков-лесорубов; в лесу, в минуты отдыха, он готовил детей к церемонии религиозного совершеннолетия – бар-мицвы.

<sup>75</sup> Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 215–285 (глава «Духовная жизнь в Вильнюсском гетто»).

<sup>76</sup> Депортации евреев Вильнюсского и Каунасского гетто в лагеря принудительного труда в Эстонии состоялись в августе–сентябре 1943 года; см. статью А. Вейсс-Вендта в настоящем сборнике. – Прим. ред.



ностям и не боялись отправки в Эстонию, куда, как они думали, их посылают только для работы. Многие накануне депортации ходили в театр в последний раз. Об этом поется в песне, которую сочинили в гетто в те дни: «Сегодня вы слышите симфонию, / А завтра вы уже в Эстонии»<sup>77</sup>. О посещении театра в гетто говорили: «Нужно проветривать свои горести» (*Me darf durkhluftern dem tsar*).

### *Борьба против замалчивания зверств*

Многие жители гетто старались вести записи о творившихся в те дни гонениях, зверствах и убийствах. Они опасались, что с исчезновением еврейского народа из Европы исчезнет и память о его борьбе и гибели. Поэтому многие записывали то, что они знали, видели или слышали, и прятали свои записи в банках, бутылках и т. д. Они ощущали насущную потребность оставить письменное свидетельство<sup>78</sup>.

В гетто и даже в лагерях уничтожения многие вели дневники – учителя, писатели, журналисты, простые рабочие и дети. Некоторые из этих дневников (в частности, Хаима А. Каплана и д-ра Эммануэля Рингельблюма из Варшавского гетто, З.-Х. Калмановича и Г. Крука из Вильнюсского гетто, Юстины Давидсон-Дренгер из гетто Кракова и Адама Чернякова) были опубликованы.

В печати появились и дневники детей: «Дневник мальчика Моше Флинкера» (Брюссель), «Дневник Анны Франк» (Амстердам), дневник мальчика Рудашевского (Вильнюсское гетто), дневники Давида Сераковяка (Лодзинское гетто) и Давида Рубиновича (польское местечко) и дневник Сары Фишбейн, напечатанный в «Памятной книге Рубежевичей».

<sup>77</sup> Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*.

<sup>78</sup> В гетто бытовала легенда о том, что историк Шимон Дубнов воскликнул перед смертью: «Пишите, записывайте» (*Shreybt un farshreybt!*). Г. Крук пишет на четвертой странице своего дневника: «Сегодня я взял перо, чтобы записать, что происходит в городе... Да обретет мой дневник глаза и уши, да служит он зеркалом и совестью этой великой катастрофы, этих трудных дней...». З.-Х. Калманович открывает свой дневник такими словами: «Сегодня, ровно через год после начала последней войны, я приступаю к записи своих воспоминаний о прошедших днях. Жаль, что я не нашел в себе душевных сил делать записи по свежим следам – я дрожал от страха, что мой дневник увидят те, кому его видеть не следует. Кто не знал страха, кто не боялся подвергнуть свою жизнь опасности – сумеет сохранить для грядущих поколений историю того, что выпало на нашу долю...»

В некоторых гетто специальные организации собирали материалы о еврейской катастрофе. Например, документы, собранные в свое время в Вильнюсском гетто, хранятся сегодня в Архиве Яд Вашем и в Бейт лохамей ха-гетаот, в институтах ЙИВО и «Морешет»; в Белостокском гетто был сформирован так называемый архив Мерсика. Во Франции во время войны Исаак Шнеерсон создал институт, который сегодня называется Центром документации современного еврейства.

Крупнейший из созданных в гетто архивов – архив Эммануэля Рингельблюма – возник в Варшавском гетто, замаскированный безобидным названием «Онег шабат». Без этого архива наша информация о том, что пережило польское еврейство в годы Холокоста, была бы безнадежно недостаточна. Этот архив был найден в Варшаве<sup>79</sup>. К счастью, мы располагаем многочисленными копиями собранных в нем материалов: не удастся ни скрыть историю еврейского сопротивления в гетто, ни умолчать о том, как неевреи вели себя по отношению к своим соседям-евреям в тяжелые годы. Рингельблюм так определил миссию «Онег шабат» в своих сочинениях: «...“Онег шабат” был братским союзом, орденом братьев, которые выбрали своими принципами готовность к самопожертвованию, взаимную верность и служение обществу»<sup>80</sup>.

### *Песни гетто – проявление духовной стойкости узников гетто и лагерей*

Особое место в корпусе литературных произведений, созданных в годы Холокоста, занимают песни гетто и лагерей. В них отразились мысли, надежды и отчаяние еврейского народа, в них звучал призыв к мести. Песни быстро превратились в неотъемлемую часть жизни гетто. Узники пели их на работе и в минуты отдыха. Они превращали разрозненных людей в общину. Иногда песни обретали популярность за несколько дней, поразительным образом преодолевая стены и заборы, и переходили из гетто в гет-

<sup>79</sup> Архив Рингельблюма (архив «Онег шабат») был помещен в три больших молочных бидона и в металлические ящики и зарыт в трех разных местах в Варшавском гетто. Первая часть архива была обнаружена в 1946 году, вторая – в 1950, третья часть не найдена до сих пор. – *Прим. ред.*

<sup>80</sup> Ringelblum, *Ksovim fun geto*.

то, из лагеря в лагерь. Так произошло с песнями «Не говори, что ты идешь в последний путь» и «Наше местечко горит» (*Es brent, briderlekh, es brent!*), – последняя песня, хотя и была написана в 1938 году, стала своего рода гимном гетто.

Песни поддерживали дух людей в самые страшные минуты. Евреи из Вильнюсского гетто, которых везли на поезде в неизвестном направлении (как выяснилось позже, в Эстонию), внезапно начали петь «Не говори, что ты идешь в последний путь». Перед дверьми газовых камер евреи пели «Я верю» (*Ani maamin*).

Чаще всего в песнях звучали отказ смириться со своей судьбой и уверенность в скором конце Гитлера и его режима<sup>81</sup>. Песни выражали упорство («назло всему») и надежду («Мы, верящие в это чудо, знаем, что оно придет...»)<sup>82</sup>. Песни говорили: «Держись!»<sup>83</sup>, «последний час близится»<sup>84</sup>, «может быть завтра, конечно, завтра, вновь взойдет солнце»<sup>85</sup>, «из маленькой веточки вырастет новое дерево»<sup>86</sup>, «зло исчезнет»<sup>87</sup>. Каждая из них по-своему выражала веру в грядущее избавление. Одни призывали к мести, звали уйти в леса<sup>88</sup>. Другие провозглашали: «Избавление Господне все еще скрыто, / Но завтра оно станет явным»<sup>89</sup>.

<sup>81</sup> Sh. Katsherginski, *Lider fun di gettos un di lagern* (New York: Tsiko, 1948), p. 324: “*Lomir zayn freylekh un zogn zikh vitsn / Mir veln nokh Hitlern shive zitsn*” («Давайте радоваться и рассказывать друг другу шутки, / Мы еще устроим поминки по Гитлеру...»). Автор неизвестен.

<sup>82</sup> Ibid., p. 350: “*Mir zaynen di gloyber / In oto dem tsoyber / Mir veysn oyf zikher: er kumt!*” Автор – С. Бройдо.

<sup>83</sup> Ibid., p. 300: “*Moyshe halt zikh, Moyshe halt zikh!.. Gedenk men ver aroys*” («Держись, Мойше, держись, Мойше; помни – наше освобождение близится»). Автор – С. Бройдо.

<sup>84</sup> Ibid., p. 354: “*Es shlogt di sho... s’kumen neye tsayten*” («Час близится... новые времена грядут»). Автор: С. Бройдо.

<sup>85</sup> Ibid., p. 78: “*S’ken zayn as morgen, s’iz zikher as morgen / vet oypsheyne di zun oyf dos ney...*” («Может быть, завтра, – конечно, завтра! – вновь взойдет солнце»). Автор – Л. Опескин.

<sup>86</sup> Ibid., p. 28: “*Er vet mir haynt brengen / a frishinkn tsveygl / mit bletelekh grininke sheyn ... un s’vet zikh fun a tsveygl tseblien a boym*” («Сегодня он принес мне свежую веточку с ярко-зелеными листьями, и веточка прорастет и превратится в дерево»). Автор – С. Бройдо.

<sup>87</sup> “*Froyen, s’veln farshvinden beyze shoen... / s’vet a treyst far undz nokh zayn*” («Женщины, злые времена скоро пройдут, будет нам утешение»). Автор – С. Бройдо.

<sup>88</sup> Katsherginski, *Lider fun di gettos...*, pp. 297–357 (особенно раздел «Контратака»).

<sup>89</sup> Moshe Prager (ed.), *Min ha-mezar karati: Shirei ha-getaot, mahanot heabdut, hazerot ha-mavet, ha-partizanim, ha-nakam ve-ha-rakuv* (Jerusalem: Mosad ha-Rav Kuk, 1955): “*Di hilf fun Got vos iz nokh farborgn, veln mir zen ersht morgen...*” («Избавление Господне, которое еще скрыто, – / Мы увидим его только завтра»). Автор неизвестен.

В этом контексте становится понятной магическая сила песни, написанной в Варшавском гетто на слова двенадцатого из тринадцати принципов веры Маймонида: «Я верю полной верой в приход Мессии, и даже если он замешкается, я все же буду каждый день ждать его прихода». Евреи гетто повторяли слова «Я верю», заявляя таким образом о своей вере в приход Избавителя. Как бывший узник гетто и лагеря, я могу засвидетельствовать, что эту песню пели не только религиозные евреи, но все, кто находился в заключении и не хотел сдаваться. Когда весь мир, казалось, погрузился в пучину кровопролития и отчаяния, слова этой песни выражали отказ евреев смириться с судьбой и веру в приход Избавителя. Я хорошо помню песню на иврите, служившую антитезой нацистскому насилию: «Люби своего ближнего как самого себя – таково великое правило Торы» (*Ve-ahavta le-reakha kamokha – ze klal gadol ba-Tora*). Как будто бросаю прямой вызов торжествующему расизму, дети гетто пели: «Все люди братья» (*Ale mentshn zaynen brider*).

В гетто эти песни называли «песнями, которые поют» (*gezungene lider*); их мелодии и размер легко западали в память и так хорошо выражали настроения узников гетто и лагерей, что люди забывали, кто сочинил их, и они становились «народными».

Другие лирические стихотворения и песни, написанные талантливыми поэтами, звучали на немногочисленных собраниях. Читая их сегодня, мы можем только восхищаться духовной стойкостью узников гетто. Дух противостояния евреям нацистам во времена Холокоста лучше всего отразил поэт Варшавского гетто Ицхак Каценельсон. В «Песни о Шломо Желиховском» он изображает «неизвестного жителя гетто», «героя забытой еврейской деревушки», который называет гибнущих «доблестными евреями» (*likhtike yidn*).

### *Побеги из центров уничтожения, гетто, транспортов и лагерей*

История евреев, сражавшихся с нацистами в регулярных армиях (около 1 500 000 человек), и участие евреев в подпольных движениях сопротивления и в партизанских движениях в странах Европы выходят за рамки настоящей статьи. Этим темам следует посвятить отдельные труды. Здесь же я хочу подчеркнуть необходимость всестороннего изучения побегов. Многим евреям удавалось бежать с места казней, из гетто, из транспортов (вы-

прыгнув из поезда) и из лагерей. Евреи бежали из Трешлинка, из Аушвица и других лагерей уничтожения, где они были окружены колючей проволокой под напряжением. В моем распоряжении находится список евреев, которым удалось бежать из Освенцима: в нем больше 80 имен. История побегов, которые тоже были формой еврейского сопротивления в оккупированных нацистами странах, все еще не получила должного внимания.

### *Стойкость еврейских детей*

Недостаточно изучены стойкость и борьба еврейских детей, на долю которых в годы Холокоста выпали самые страшные испытания. Дети играли ведущую роль в осуществлении контрабанды в Варшавском и других гетто. Другими словами, именно они были солдатами в безнадежной битве гетто – битве с голодом.

О судьбе детей рассказывается в стихотворении «Маленький контрабандист»: «...Голод сделал меня смелым и упрямым... Я поставлю свою жизнь на карту... и если достигнет меня рука судьбы... уличная пыль будет мне могилой...»<sup>90</sup> Стихотворение «Я Исраэлик, мальчик из гетто» повествует о судьбе сирот в гетто<sup>91</sup>. Мысли и чаяния детей гетто описываются в стихотворении о Мойшеле: «Там, снаружи, цветет цветок, / Между оградами гетто он говорит мне: / “Мойшеле, почему ты все еще там? Иди ко мне, иди”»<sup>92</sup>.

### *Солидарность, взаимная помощь и добрые дела неизвестных людей*

И в исторических трудах, посвященных Холокосту, и в воспоминаниях, свидетельствах и мемориальных альбомах основное внимание всегда уделялось зверствам нацистов и страданиям евреев. Упоминались случаи удивительной стойкости перед лицом испытаний и на пути к смерти. Пережившие Холокост вспоминают примеры исключительного героизма, однако не всегда осознают, что следует рассказывать и о том, как вели себя в гетто и лагерях простые евреи. Поэтому мы должны уделить внимание

<sup>90</sup> Yizhak Zukerman, Moshe Basok (eds.), *Sefer milhamot ha-getaot* (Tel Aviv: Ha-Kibuz Ha-Meuhad, 1954), p. 90.

<sup>91</sup> Katsherginski, *Lider fun di gettos...*, p. 106.

<sup>92</sup> Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, p. 232.

повседневному поведению «обычных» людей и их отношениям с товарищами-узниками.

Нацисты стремились лишить евреев человеческого облика, сломить их дух, уничтожить характер, истребить нормальные человеческие чувства и превратить их в существа, готовые предать товарищей ради куска хлеба. Поэтому сопротивление безмян-ных масс следует видеть в проявлениях человечности, солидарности, взаимопомощи, самопожертвования и во всех тех поступках, которые принято называть «добрыми делами». Такие добрые дела не всегда очевидны. Кто из выживших вспомнит, что, когда он голодал, товарищ отдал ему свой кусок хлеба или миску супа, вскипятил для него воду или просто утешил и поддержал его добрым словом?

Собирая материал для своей работы о концентрационных лагерях для евреев в Эстонии, я вычленил все детали, которые можно было найти в 150 свидетельских показаниях, и самостоятельно записал 30 свидетельств, рассказывавших о таких повседневных добрых делах.

*Изучение стойкости евреев в повседневной жизни  
в годы Холокоста*

Изучая историю народа в какой-либо период времени, мы стремимся понять, каковы были существенные черты всех социальных слоев этого народа в описываемый период и каковы были его действия, поступки, надежды и мечты. Возможно, так мы неосознанно пытаемся угадать, каким этот народ станет в будущем, какое наследие достанется следующему поколению.

Хершке Глик, молодой поэт гетто, писал, что «посреди рушащихся стен весь народ пел» песню гетто. Он добавил: «Пусть же эта песня станет девизом грядущих эпох».

Еврейские массы продолжали древнюю традицию противостояния врагу и солидарности с гонимыми. Стойкость евреев в повседневной жизни – во всех ее проявлениях и в каждой стране – заслуживает самого тщательного изучения.

*Впервые опубликовано по-английски как "The Day-to-Day Stand of the Jews" in Yisrael Gutman, Livia Rothkirchen, eds., The Catastrophe of European Jewry: Antecedents, History, Reflections (Jerusalem: Yad Vashem, 1976), pp. 367-399.*

*Перевод с английского Бенциона Дымерского.*